

Революция разума

Культурный взлет на фоне социальных потрясений происходит всегда, что приводит к революции внутренней или приводит к духовному падению

Разрушенный памятник Владимиру Ленину в Воронеже. Фото: Егор Снетков / Коммерсантъ

18:04, 14 марта 2026,

Елена Янушевская

кандидат философских наук

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.*

Ф.И. Тютчев

Первая мировая война и революция в России 1917 года положили начало крупнейшим антропологическим катастрофам прошлого века. В первой трети века текущего мир потряхивает, но, несмотря на локальные протесты, его политическое состояние и в плохом, и в хорошем пока устойчиво. Но и культурных прорывов, если не считать повсеместную цифровизацию, на мировом горизонте не наблюдается. О революции разума и ее связи с социальными революциями рассуждает философ Елена Янушевская. Как они связаны и есть ли объяснение этой связи?

Великая социалистическая революция в России — событие, бесспорно, определившее историю XX века. Именно революция стала первым этапом мирового политического раскола — первым шагом к двухполярному миру во главе с двумя сверхдержавами. При этом революции в Нидерландах (1566–1609 гг.), в Англии (1642–1660 гг.), Франции оцениваются как исторически необходимые при переходе от феодализма к капитализму. А вот русская революция, в своей деструктивности отнюдь не превзошедшая якобинский террор, рассматривается как источник исторического зла, которого можно было бы избежать. Вернее, одни придерживаются подобного взгляда, другие, напротив, видят в ней следствие общественного кризиса: с их точки зрения, именно революция 1917 года вытолкнула страну из состояния отсталого аграрного государства.

В подобном ключе последствия Французской революции (как крупнейшей трансформации социальной и политической системы Франции конца XVIII — начала XIX столетий) не просто оцениваются положительно. День взятия Бастилии является одним из крупнейших национальных праздников для французов.

Оставляя за скобками известные исторические трактовки, было бы интересно разобраться вот в чем. Что же является предпосылками революций на самом деле — социокультурный кризис или, наоборот, усиление динамики культурных процессов, некое восхождение нации в свое историческое акме?

То, чем нельзя овладеть

Этимологии слова и философские подходы к пониманию «революции» указывают на интересные смысловые нюансы.

Неожиданно, но «революция» (от позднелатинского *revolutio* — поворот, переворот) первоначально подразумевала возврат к прежнему состоянию. *Revolutio*, в частности, хотя об этом мало кто знает, — в том числе астрономический термин, означавший круговое орбитальное движение, обращение небесных тел. Первые упоминания о революциях в политике — это также упоминания о возвращении к старому строю.

Сегодня под революцией понимают резкий всплеск, бурные возмущения движения, интервал взрывообразной активности какого-либо явления, в процессе и результате которого оно изменяет свои качественные определенности. Что важно,

в политическом смысле революции нельзя смешивать с дворцовыми переворотами, путчами и тому подобным: революция никогда

не является плодом заговора одиночек или произвольных действий меньшинства.

Импульс развитию революционной идеологии дала Французская революция. По сей день она остается одной из важнейших проблем социальной философии. Томас Карлейль, автор многотомного сочинения «Французская революция. История», понимает феномен психологически: «Слово «революция» — это лишь несколько букв алфавита; революция же — это явление, которым нельзя овладеть, которое нельзя запереть под замок. Где оно находится? Что оно такое? Это безумие, которое живет в сердцах людей...» (см. сноску 1)

Согласно историческому материализму, социальная революция — следствие политэкономического кризиса и классовой борьбы. Определяя революционную ситуацию, Карл Маркс исходит из несоответствия характера и уровня развития производительных сил производственным отношениям: «Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» (см. сноску 2). Классовый антагонизм предпосылают необходимость в перестройке производственных и социальных отношений. Социалистическая (пролетарская) революция, соответственно, созревает, когда жизнь эксплуатируемых становится невыносимой, и тем самым определяется новый исторический субъект — рабочий класс, преодолевающий в революционной борьбе отчуждение и становящийся из класса в себе классом для себя. Для Маркса революция, если говорить коротко, — «локомотив истории».

Февральская революция в России. Фото: репродукция ТАСС

Как революцию оценивают культурологи и распространение христианства — как коренной мировоззренческий слом, произошедший в Древнем мире, ставший итогом культурного развития народов Средиземноморья на протяжении нескольких тысячелетий.

Попыткой революции можно назвать и восстание рабов под предводительством Спартака. В этом контексте необходимо упомянуть и менее масштабные, но от этого не менее значимые революционные события в Европе XIX века — революцию 1848 года во Франции и революцию 1848–1849 годов в Германии. С исторической точки зрения их объединяют две особенности: все эти события, во-первых, вписаны в историю Западного мира, а не стран с традиционной культурой. Во-вторых, без них невозможно было движение в будущее европейской цивилизации. Это можно сказать и об Английской буржуазной революции, и об уже упомянутой Великой французской.

Критики марксизма отмечают, что концепция истории и революционной практики, сложившаяся в марксизме, обнаруживает один существенный недостаток. Она не объясняет механизмы общественного развития, характерные для традиционных культур и восточных деспотий, где конкретные общественно-экономические «формации» сохраняются в неизменном виде на значительном историческом промежутке.

Иные революции

Все сказанное в сумме наводит на мысль, что действительно существует объяснение, раскрывающее суть революции не только политически. Философским аргументом в пользу него можно считать идею, выраженную Владимиром Соловьевым в его небольшом сочинении «Исторические дела философии».

Историю философии Соловьев начинает с Древней Индии: мысль, пробудившаяся в метафизическом обобщении, угасает здесь, но весьма продуктивно проявляет себя от милетцев до марксизма и ницшеанства в Европе. Соловьев выделяет основные периоды философии и связывает их с социальной — освободительной — ролью философского разума. Действуя по принципу отрицания отрицания, философский разум выступает внутренним содержанием развития европейского общества: «Итак, что же делала философия? Она освобождала человеческую личность от внешнего насилия и давала ей внутреннее содержание. Она низвергала всех ложных чужих богов и развивала в человеке внутреннюю форму для откровений истинного божества» (см. сноску 3).

Революция разума между тем — устоявшееся словосочетание, характерное для теоретико-познавательной и научной сфер. Означает оно принципиальную перестройку в самом понимании разума и его границ, смену парадигм познания. Иными словами, не просто историческое изменение

сложившейся картины мира.

Таковым, к примеру, можно считать пересмотр соотношения рациональных и иррациональных элементов в познании, плюрализацию познания и его источников (не только чувственный и рациональный, но и медитативный), развитие мышления в категориях ценности.

Предположение, что социальная революция и есть следствие революции разума, закономерно, но оно будет трюизмом, как и указание на тот общеизвестный факт, что одним из средств раскрутки революций XVIII и XIX веков в Европе был интеллект — работа общественной, философской и политической мысли.

При всей справедливости подобных оценок революцию разума следует понимать иначе, нежели просто интеллектуальную прелюдию к политическому перевороту или средство фокусировки общественных сил. Совпадения пиковых проявлений культуры и революций, а не определенная последовательная связь между ними очевидно обнаруживают себя в европейской истории Новейшего времени и требуют как минимум уточнить их соотношение.

В русском языке, стоит отметить, слово «революция» укоренилось в самых разных контекстах — не только историческом, политическом и социософском.

Помимо революции разума, мы говорим о гендерной революции, о культурной революции, о поэтической революции, о революции (возвращении) планет, как было сказано, в астрономии и астрологии. Эта понятийная многослойность не говорит нам еще о синхронной

однородности революционных процессов, однако, бесспорно, указывает на возможность установления подобной связи.

Так, Великой французской буржуазной революции, французской революции 1848 года, революции в Германии в 1848–1849 годов явно сопутствуют кардинальная смена познавательных парадигм и изобретения, коренным образом преобразовавшие социальный опыт.

В середине XIX века барбизонцы выходят писать на природу, а в 1860 году официально открывается эра импрессионизма, отразившего нечто большее, чем просто развитие живописной техники. Импрессионисты наглядно выразили изменение в понимании связи между субъектом и объектом — восприятие определяет качества объекта. К концу XIX века взаимозаданность субъекта и объекта познания становится общепризнанной в европейской гносеологии.

Празднование 108-й годовщины Октябрьской революции в Новосибирске. Фото: Кирилл Кухмарь / ТАСС

Строительство железных дорог, изобретение электротелеграфа,

начало применения анестезии и открытие планеты Нептун на фоне подобного переворота в мышлении выглядят как значимые, но частные факты.

Писать же в связи с поставленным вопросом о деятельности французских просветителей как революционном факторе, о значении «Энциклопедии» для пробуждения народного самосознания в школьном ключе, думаю, смысла нет. Всем, скорее всего, известно, что «предвестниками Великой французской революции были Жан, Жак, Руссо...» (фраза стала мемом и ушла в народ после того, как ее сформулировал таким образом нерадивый школьник).

Более подходящим будет вспомнить революционность поэзии Артюра Рембо, отметив нечто из его биографии, о чем упоминают нечасто. Источниками его революционных идей было несчастливое детство, Новый Завет, возможно, учение Маркса, причастность к деятельности Парижской коммуны и еще, вероятно, особенный сексуальный опыт. Революция экзистенции (бегство от деспотичной матери, встреча с Полем Верленом) предопределила революцию поэзии. В стихах Рембо, в отличие от произведений Бодлера, меланхолии мы не находим. Его настрой можно выразить известными строками Александра Блока: «Революционный держите шаг! / Неугомонный не дремлет враг!» В основе поэтики Рембо лежит идея о возможности мистической переплавки сознания, без чего невозможно принципиальное обновление жизни.

Сороковые годы, примерная середина XIX столетия, когда Бодлер принимает участие в уличных столкновениях (Бодлер, написавший «Падалль», революционное для мировой литературы стихотворение; опубликовано несколько позднее, в 1857 году), — это время распространения фотографии. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что именно срединные 20 лет позапрошлого века отличаются исключительной плотностью научных открытий, которая вновь возрастает

ближе к рубежу веков. И именно середина XIX века дает мощный толчок формированию нового типа рациональности — неклассической. Точно так, как Английская буржуазная революция привела не просто к упрочнению капитализма, но и к оформлению нового культурного мира в Европе — механистического, индустриального, рационалистического; точно так и рубеж XIX и XX веков ознаменовался не только революционным подъемом, но и революцией разума на всех его направлениях — в науке, технике, искусстве, философии.

Остается только добавить параллелизм некоторых революционно-культурных и революционно-общественных явлений в Германии в середине XIX столетия. В работе, посвященной Вагнеру, А.Ф. Лосев подчеркивает увлеченность великого оперного реформатора идеей мировой революции, последовательное обращение к этой идее в его эссеистике, по сравнению с чем события, ставшие причиной бегства композитора из Германии, выглядят как случайность. Комментируя статью Вагнера «Искусство и революция», А.Ф. Лосев пишет: «Идеалом Вагнера, несмотря ни на какие жизненные коллизии, всегда оставалось «свободное объединенное человечество», неподвластное, по словам композитора, «индустрии и капиталу», разрушающим искусство. Это новое человечество, по мнению Вагнера, должно быть «наделено социальным разумом», овладевшим природой и ее плодами для всеобщего блага. Вагнер мечтает о «будущих великих социальных революциях», путь к которым указывает преобразующая роль искусства» [4]. В это же время в голове Маркса вызревает принципиально новое понимание человека, предопределившее в Европе создание 1-го Интернационала...

Культурная ситуация в России революционных лет также хорошо известна и также не позволяет оценивать значение революции как однозначно стихийно-разрушительное — опустошительное для пышных садов русской культурной среды в первой трети XX века.

Именно в пред- и послереволюционные годы в русской, а затем советской культуре обнаруживает себя активное, независимое от политических процессов формотворчество.

Это и творчество целой плеяды выдающихся русских философов (Н.А. Бердяева, Льва Шестова, В.В. Розанова, П.А. Флоренского, А.И. Введенского, Г.Г. Шпета), и Серебряный век русской поэзии, и расцвет литературы и музыки, которая наконец получает мировое признание. В послереволюционные десятилетия культурный процесс в России приобретает иные формы, но не теряет своего качества. Теперь уже советская культура продолжает переживать пассионарный всплеск вплоть до начала Второй мировой войны.

Бессмысленно отрицать, что политическая идея и ее революционное воплощение в России затронули все сферы социальной практики и все социальные институты, включая образование, воспитание и семью, переосмысление социальных ролей мужчины и женщины в связи с женской эмансипацией. Развитие космонавтики и милитаризированной физики было предпослано политически, однако потенциал для высвобождения новых интеллектуальных сил вряд ли может быть простым следствием социальной встряски.

Если говорить о художественном искусстве, то революционизирующие поиски в сфере обновления формы являются проявлением его сущности. Они могут долго таиться, как лава под «кожей» земли, и вырываться на поверхность социального процесса в едином импульсе к обновлению.

Картина «Свобода, ведущая народ» вновь выставлена в Лувре на радость посетителям. Художник: Эжен Делакруа

Культурный взлет и личное падение

Подводя итог, можно сделать заключение. Культурные процессы, протекающие синхронно с событиями в социально-политической сфере, по сути, представляют собой выражение единой революции разума, производящей в культуре фундаментальный эпистемологический сдвиг.

Объяснять это явление исключительно в рамках исторического материализма, политологии или социологии представляется недостаточным. Можно обратиться к представлениям о волнообразной пассионарности, о влиянии солнечной активности, ее всплесках и стихийном воздействии на социум, к учению о Мировом духе Гегеля (эдакий национализированный вариант христианской теодицеи), к

религиозному провиденциализму, наконец, — почему нет? И так далее.

Бесспорно одно. Революционные события знаменуют собой кульминацию в развитии наций и государств на определенном промежутке истории, совпадая со значительной интенсификацией культуры.

Было бы несправедливо считать И.А. Бунина, А.И. Куприна, М.А. Волошина, А.А. Ахматову, М.И. Цветаеву, С.В. Рахманинова, И.Ф. Стравинского, К.С. Малевича, М.З. Шагала, С.П. Дягилева и многих других последним цветом одряхлевшего самодержавия.

Революционный импульс подталкивает к многостороннему формотворчеству, и связывать революцию с состоянием общественного упадка значило бы противоречить фактам.

Именно подъем национальных сил, направленных вперед, к исторической самоактуализации, и проявивших себя в неделимом духовном, политическом и общественном напряжении, получает раскрытие в русской революции 1917 года. Таким образом, существует достаточно оснований, чтобы видеть в революции целостное духовное явление, не обусловленное исключительно материалистически — потребностями перестройки системы общественного производства. Что показательно, революция, наука, искусство и философия — по преимуществу порождения западноевропейской цивилизации. Иными словами, они развивались в тех странах, где происходили революции.

Революция, говоря коротко, выражает культурный взлет — историческое акме созидательных сил, требующих своего

практического раскрытия в ситуациях их искусственного сдерживания ради поддержания реакционного политического и культурного status quo. Ее суть, соответственно, не в «перевороте», «повороте» или «возвращении обратно», а в освобождении того, что должно быть проявлено в истории.

Такое видение не снимает болезненных вопросов о терроре и социальной мести, без которых не обошлась и относительно современная Кубинская революция. С исторической дистанции ни одно кровавое преступление из тех, что сопутствовали политическим переворотам, не выглядит оправданным.

И прежде всего подобный опыт говорит нам о том, насколько далек современный человек от того идеала, который представлен в христианской (опять же подчеркну — революционной) эсхатологии, этой своеобразной философии истории, дающей, пожалуй,

единственный приемлемый для всех ответ, к чему должна двигаться планета — к такой метаморфозе будущего, жизни и человеческой природы, когда, как сказано у Исайи, «Лев ляжет рядом с ягненком».

В свете этих слов опыт, который хотелось бы вычеркнуть из истории человечества, напоминает каждому о личной ответственности: насколько он приближает своей жизнью человечество к переходу в лучшее духовное состояние или наоборот.

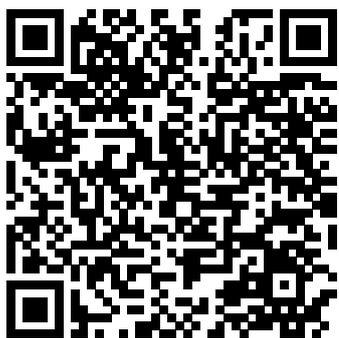
Конкретно. Будешь ли ты, как легендарный революционер Эрнесто Че Гевара, лично расстреливать из пистолета «врагов революции» и уподобишься «мяснику из Ла-Кабаньи» или

будешь спасать возможных жертв таких «мясников», как это делал русский поэт Максимилиан Волошин, пряча в своем доме в Коктебеле красных от белых, белых — от красных в годы Гражданской войны.

СНОСКИ

1. Карлейль Т. Французская революция. История. — М., 1991. С. 506.
2. Маркс К. К критике политической экономии. — Маркс К., Энгельс Фр. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. С. 7.
3. Соловьев В.С. Исторические дела философии // Вопросы философии. № 8, 1988. С. 118 –125.
4. [Лосев А.Ф. Исторический смысл мировоззрения Рихарда Вагнера](http://wagner.su/node/109) // URL: <http://wagner.su/node/109> (дата обращения: 05.10.2017).

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Если оставить на столе переговоров только любовь](#)

Почему философское учение о царстве ценностей сегодня может стать основой для межкультурного диалога

16:03, 27 декабря 2025, Елена Янушевская